

Как это делалось в Одессе

Об авторе

Валерий Подгородинский – одессит, давно и плодотворно работающий в Москве. В нем сочетаются вдумчивый театровед и умелый руководитель. Достаточно сказать, что В. Подгородинский долгие годы заведовал отделом театров Министерства культуры СССР, а сейчас – один из руководителей прославленного Малого театра.

Наш земляк активно участвует в работе традиционных международных конференций по проблемам русских театров стран СНГ, которые проходят в Одессе.

Статья В. Подгородинского, посвященная памяти Исаака Бабеля "Как это делалось в Одессе" написана в далекие 60-е годы. Мы публикуем ее с сокращениями, но основной ее пафос сохранен и актуален.

Феликс КОХРИХТ

От автора

Дорогая редакция, мне показалось, что эта статья, написанная 40 лет назад, может заинтересовать Ваш альманах. Тогда, в 1966 году, уже начали закручивать идеологические гайки, и один из толстых московских журналов отложил публикацию до лучших времен.

80 лет назад Бабель создал шедевр под названием "Закат", одну из лучших пьес всех времен и народов. Бывший одессит и в те, шестидесятые, и сегодня поклоняется гению одного из самых блистательных стилистов мира.

И сегодня с благодарностью вспоминаю дивные рассказы режиссера Василько о довоенной театральной Одессе и прекрасного человека, замечательного врача Сосюру, брата известного поэта, подарившего мне общение с не изданными в то время (а возможно, и до настоящего времени) документами и письмами нашего великого земляка.

С уважением к тому большому делу, которому служит "Дерибасовская – Ришельевская",

Ваш Валерий ПОДГОРОДИНСКИЙ

"Так вот – забудьте на время, что на носу у вас очки, а в душе осень".

И. Бабель. Король

"Куда? Куда вас носит?.."

И. Бабель. Дорога

Объявлений не было. Зачем? Весь город знал, что только мосье Загурский может сделать нового Яшу Хейфеца. Мамы и папы, бабушки и дедушки, толстые тети и худые дяди в мечтах, снах и видениях узревали, как их дитя становится знаменитостью. Старшим не повезло, они вытащили

жизненный билет с прямо-таки нахальным содержанием, которое гласило: "на ваш билет не пал выигрыш". Странные люди, они не верили. Билеты были отпечатаны миллионными тиражами, все соседи, родственники и знакомые вытащили точно такие же билеты. Они были неплохими выдумщиками и изобретали кучу самых разнообразных хитростей, чтобы доказать ошибку старой дамы (судьбой называли ее древние греки).

Знаете, они перепробовали тысячи, а может быть, и еще больше способов. Обосновывали их научно (это они умели). И... никаких результатов. Наука не помогала, только единицам удавалось уловить момент и расшифровать загадочный взгляд мрачной дамы и... очень скоро их имена знал весь город и даже другие города. Это звучные имена вроде Харитон Эфрусси и Шая Кропотницкий.. Люди, носившие эти имена, могли позволить себе роскошь владеть виллой на Фонтанской дороге, пить нездешнее вино и курить сигары с плантацией Пирпонта Моргана, а когда они укладывались спать в самый последний раз, их накрывали огромными памятниками из розового и черного мрамора. Ну и что? Есть день и есть ночь, есть Ш. Кропотницкий и не так чтобы богатый Илья Исаакович. Есть еще тысячи и даже больше других, знавших "что такое гобелен, отчего якобинцы предали Робеспьера, как готовится искусственный шелк, что такое кесарево сечение", умевших ответить еще на тысячи разных вопросов, кроме единственного: "Отчего им так не везет в жизни?".

Слушайте! Они все же нашли выход. И помог им хитрый Загурский. На улицах Молдаванки он замечал хилого золотушного еврейского ребенка и обещал родным за небольшую плату сделать его вундеркиндом. Мосье Загурский обучал азам музыкального искусства. Он рассматривал россыпи обыкновенных булыжников, замечал драгоценные камни, тщательно стирал с них пыль, учил пользоваться носовым платком и всовывал в руки скрипку. Когда проходили три года зубрежки, в течение которых юное дарование обучалось пилить часами, не падая в обморок, его отправляли в Петербург, к знаменитому профессору Ауэру, известнейшему ювелиру, одевавшему эти драгоценности в роскошные оправы виртуозов. И тогда концертные эстрады всего мира становились в очередь за право осыпать цветами и деньгами знаменитых Мишу Эльмана, Цимбалиста и Яшу Хейфеца.

Мир огромен и люди любят музыку. И все же Загурский помог не всем. Почтенному маклеру Эммануилу Бабелю долго пришлось пить горький напиток разочарования. Дядя Яши Хейфеца каждый день, встречаясь на улице, хвастался, какие большие деньги зарабатывает их любим-

чик. Сын Бабеля не стал музыкантом. Вместо уроков музыки он посещал городской пляж, где всегда можно было встретить Ефима Смолича, корректора "Одесских новостей". Этот мудрый старый гигант обладал удивительным качеством — он любил детей, этот человек. Учил их плавать, рассказывал истории о рыбаках и животных. Кажется, он первый научил мальчишку видеть природу, разбудив в нем чувство природы. "Человек, не живущий в природе, как живет в ней камень или животное, не напишет во всю жизнь двух стоящих строк" (рассказ "Пробуждение").

Родители Бабеля вспомнили о музыке как о последнем шансе. Сыну уже было четырнадцать, и за восьмилетнего его можно было сбить лишь по росту и по хилости. Музыка началась и кончилась в 1908 году. К этому времени будущий писатель успел много увидеть.

Он родился в 1894 году в одном из красивейших городов мира, в Одессе. Отец — мелкий торговец. В школу попасть было нелегко. В приготовительный класс из сорока мальчиков могли поступить лишь два еврея. Другой еврейский мальчик занял его место в школе. Другой мальчик, у которого был очень богатый папа. Горе семьи было огромным, но выход был найден. В один год учитель прошел с маленьким Исааком курс приготовительного и первого классов сразу, и вторая попытка поступления оказалась успешной. Его приняли сразу в первый класс. В тот же день все многочисленные родственники узнали, что сын Бабеля будет учиться в Одесском коммерческом имени императора Николая I училище.

Мальчишке повезло, его злое стремление выучиться подметил преподаватель французского языка Вадон. Способности к языкам, унаследованные от деда, позволили к пятнадцати годам настолько овладеть языком, что он стал писать рассказы на французском. И много лет спустя Бабель удивлял своих коллег блестящим знанием языка.

Он рано научился смотреть и запоминать. В 1905 в этом дивном городе, как и по всей стране, проходили еврейские погромы. Начиналось это внезапно: десяток лавочников, обильно намаслив бороды и сапоги, прикрывшись портретом самодержца, били стекла еврейских лавчонок. К ним присоединялись любопытные, и очень скоро толпа становилась тьмой. Срабатывал рефлекс накопительства, беспроигрышной лотереи, звериного закона "бей и хватай". Даже неплохие в другое время люди пьянели в такие "праздники" и неслись в звериной пляске черносотенцев. На всю жизнь запомнил маленький южанин эти картины. Спустя много лет он рассказал об этом в одном из лучших своих рассказов "История моей голубятни", посвященном учителю. "...и я закрывал последний неза-

лепленный глаз, чтобы не видеть мира, расстилавшегося передо мной. Мир этот был мал и ужасен... Я шел по чужой земле".

Разве мог он изменить этот мир, мальчик, начитавшийся Мопассана и краем уха слышавший, что где-то далеко "делает свое дело Карл Маркс". Через много лет он отомстил этому миру и воспел новый.

Он начал писать в пятнадцать лет. В квартире отца, на Екатерининской улице, было тесно. Он убегал советоваться с морем. В одном из рассказов писал о том, что море отказывалось понимать, что его не волновали заботы людские и что волны откатывались, ничего не сказав в ответ. Море молчало. Зато громко и внятно говорила бабушка: "Не верь людям. Не имей друзей. Не отдавай им денег. Не отдавай им сердца". К мудро-мрачным словам бабки прислушивались многие. Только не внук. Он любил деда, невероятного умницу, эпикурейца в цилиндре и рваном пиджаке, нищего полиглота, жизнерадостного и доброго человека. Убогие стремления отца подняться на гребень волны, поближе к богатству, и глухая стена человеконенавистнической философии бабушки отталкивали его. Дед оставил чудное наследство: жадное любопытство и любовь к людям. Дед (этот умница, растерявший и раздаривший все, сохранил лучшее — жизнерадостность и лукавство, всю ту беспутную мудрость и мудрое беспутство), помог ему выйти на широкую дорогу жизни. Дед научил его не только преодолевать, но и презирать трудности, быть выше и сильнее их.

И начались дороги. В 1915 году его уже знают и гонят изо всех редакций Петербурга. А через год он встретился с человеком, о котором позже написал: "...он первый исполнил свою заповедь — превратить труд подневольный в непрерывную и радостную жизнь творчества" ("Начало"). Он встретился с Горьким, встретился с учителем.

Встреча произошла в редакции журнала "Летопись". Горькому понравились первые рассказы Бабеля, и по его рекомендации их опубликовали. Но, как выяснилось очень скоро, это были просто два-три сносных юношеских опыта. И тогда Горький отправил Бабеля в люди... На долгих семь лет.

* * *

Был солдатом на румынском фронте, служил в ЧК, в Наркомпросе, в продовольственных экспедициях 1918 года, в Северной армии против Юденича, в Первой конной армии, работал корректором, репортером... "И только в 1923 году я научился, — признается Бабель, — выражать свои мысли ясно и не очень длинно".

И тогда мир узнал нового писателя, не похожего на других, противоре-

чивого, и сразу же после появления вызвавшего ожесточенные споры, которые не стихают по сей день.

По свидетельству друга, писателя И. Лифшица, он ушел в армию с документами на имя Кириллы Васильевича Лютова. Большинство рассказов "Конармии" ведутся от этого имени.

О грубом и бесшабашном Афоньке Биде, оправдывающем злодеяния во имя будущего: "Нехай пчела перетерпит. И для нее небось ковыряемся".

Есть в сборнике еще один интересный герой — Лютов. Думается, что неверно некоторые критики полностью отождествляют автора с "очкариком", скованным "интеллигентской жалостью", вымаливающего у судьбы "простейшее из умений — умение любить человека". Своим "Дневником" автор опровергает некоторые взгляды Лютова. Лютов — образ собирательный, это интеллигент, попавший в революционный поток. Путь его нелегок, не всегда его понимают, многих отталкивает его стремление жить без врагов; но он остается в Конармии, и часто ему симпатизирует автор.

Вовремя поставленная точка

"Человек, который мог писать десять строчек в неделю, а то и две, пока они, наконец, да и то не во всем, его устраивали".

Е. Габрилович

Как получилось, что сын одесского маклера, занимавшегося сельскохозяйственными машинами, разными веялками и молотилками, стал выдающимся писателем, тончайшим знатоком языка? Его дед знал все языки и писал по ночам сочинения. Но он был тихим евреем и остался в памяти немногих просто странным человеком. Внук понял, что литературу ни тихостью, ни робостью не сделаешь. Нужны "цепкие пальцы и веревочные нервы, чтобы отрывать от своей прозы с кровью иной раз самые любимые, но лишние куски". Внук начал писать в 15, в печати первые рассказы появились, когда ему было 22, и потом снова долгие семь лет молчания — работы. Он владел искусством молчания. Его даже называли "классиком молчания" и смеялись. О его молчании ходили легенды, а он писал и перечеркивал написанное, чтобы завтра повторить все сначала. Однажды он показал Паустовскому пухлую папку, в которой хранился двадцать один вариант рассказа "Любка Казак", появившийся в печати спустя три года. Он искал слова. Точные слова. Единственные.

"Я поражен был тем обстоятельством, что слова у Бабеля, одинаковые со словами классиков, со словами других писателей, были более плотны-

ми, более зримыми и живописными. Язык Бабеля поражал или, вернее, завораживал необыкновенной свежестью и сжатостью. Этот человек видел и слышал жизнь с такой новизной, на какую мы не были способны", — писал К. Паустовский.

Чтобы определить марку вина, нужен опытный специалист, дегустатор. Попробуйте дать прочитать пару строчек любого рассказа Бабеля человеку, когда-то уже читавшему "Конармию", — последует безошибочный ответ — БАБЕЛЬ. Где секрет такого сильного влияния? Почему читаешь его с большим наслаждением, нежели смакуешь редкое вино? В одном из рассказов о герое говорят так: "Беня говорит мало, но говорит смачно. Беня говорит мало, но хочется, чтобы он еще сказал". Бабель умел ценить слово. О многословии он говорил с брезгливостью и со злобой вымарывал из рукописи лишние слова. Никогда не говорил "пишу", всегда говорил "сочиняю" и постоянно жаловался на отсутствие у себя сочинительского дара, на отсутствие воображения. А оно, по его словам, было богом поэзии и прозы. Он брал слова из жизни. Он был волшебником и знал тайну слов лучше простых смертных.

Наверно, о нем писал Н. Заболоцкий:

"Мы услышали бы слова
Слова большие, словно яблоки. Густые
Как мед или крутое молоко.
Слова, которые вонзаются как пламя,
И в душу залетев, как в хижину огонь,
Убогое пространство освещают.
Слова, которые не умирают
И о которых песни мы поем".

Он писал медленно, всегда тянул, опаздывая сдавать рукопись. Ему всегда не хватало несколько дней или даже часов, чтобы посидеть над рукописью и все править, править, править. "Вы можете сечь меня розгами в 4 часа дня на Мясницкой улице — я не сдам рукописи ранее того дня, когда сочту, что она готова", — писал он редактору Полонскому, уже в который раз выпрашивая отсрочку. Свой страшный недостаток — неумение быстро писать — он превратил в повод для страшной зависти многих литераторов. У него был Стиль, свой собственный стиль. Стиль Бабеля.

Его произведения называли фантастическими, колдовскими, говорили о раблезианском стиле, вспоминали Гоголя ранних периодов. "Еще один колдун пришел в литературу и останется в ней навсегда".

Рассказ о методе его работы может служить учебным пособием для

молодых и даже маститых писателей. "Если нет точного сравнения, то лучше не брать никакого. Пусть существительное живет само в своей простоте..."

Побольше точек!.. Каждая фраза — одна мысль, один образ, не больше.

Три причастия в одной фразе — это убиение языка.

Два прилагательных к одному существительному может позволить себе только гений..."

Герцен-мерцен

"Бабель установил рекорд литературного мастерства..."

Из статьи

Паустовский рассказывает о Бабеле интересные истории. После войны Бабель с семьей жил на Фонтанской дороге, в заброшенной даче. И был у него страшный тиран — нет, не угадали, не теща. К теще он привык, хотя она не была золотом. Был там мальчик по имени Люся. "ТОТ" мальчик, — называли его друзья Бабеля. Мальчик Люся забирался к Бабелю в письменный стол, хватал его любимый химический карандаш, страсть как любил подслушивать и передразнивать своего дядю.

— Герцен-мерцен сжарен с перцем, — выкрикивал мальчик услышанное слово, прибавляя к нему свои, превращая в песенку. И вызывал бурный восторг бабушки, мечтавшей о внуке-поэте, и бешеную ненависть и мечты о повешении у Бабеля.

Не знаю — стал ли мальчик Люся поэтом, но наверняка он подслушал много интересных разговоров Молодых мудрецов. Бабель и его друзья были замечательными спорщиками и прежде, чем сесть за стол, любили рассказывать об увиденном сегодня. Лучше всех выходили рассказы у Бабеля, слушатели "просто рыдали от удовольствия".

Бабель прекрасно знал литературу, любил "железную прозу" Киплинга, печальные и простые стихи Саши Черного, боготворил Мопассана и восхищался Горьким. В литературе о Бабеле его сравнивают с Мопассаном и Флобером, с Франсом и Рабле, некоторые прибавляют Хемингуэя. В русской литературе его сравнивают с Гоголем, Лесковым, но чаще всего с Горьким.

Вероятно, наибольшее влияние на него оказал Горький. Он первый учил Бабеля писать, он всегда приходил на помощь в трудную минуту. Учил наблюдать жизнь, активно в ней участвуя. Горький учил его пониманию ответственности художника, уважению к читателю...

Он любил людей, умел любить людей, этот хитромудрый очкарик. Ведь они ему родные, "они — я, они — человек". Они разные, непохожие — тем лучше. Он едет в новый колхоз на Украине, на стройку на Кавказе или наблюдает французских моряков в портовом кабачке. Эта штука, по имени жизнь, поинтересней театра. Эренбург тянет его из кабачка, находится там небезопасно, и в ответ слышит: "Почему? Ведь здесь интересно".

Так я спрашиваю вас, что нужно для того чтобы стать драматургом? Когда человек немного знает жизнь, и о нем говорят — "неплохой писатель" — это уже немало.

— Но ведь нужно знать законы театра. Хотя бы в общих чертах познакомиться с законами драмы, с теорией драмы.

— А кто вам сказал, что ему это неизвестно...

Не знаю, когда это началось — это знание. Может быть, в детстве, когда слушал рассказы мудрого деда. Или в летние душные ночи во время польского похода Конармии. А скорее всего, незадолго до августа 1926 года. Знаменитая булгаковская коробочка, эта трехмерная картинка с горящим светом и движущимися, такими знакомыми фигурками, давно виденными и уже описанными в одесских рассказах. Вот они снова рядом, преследуют...

Жизнь дай! Еще дай!

"— Я видел — и слоны плачут..."

— Врешь, слоны не плачут..."

— Говорю тебе, слезами плакал..."

Из пьесы

"В Ворзеле за девять дней я написал пьесу..." — сообщает писатель в одном из писем близкому другу от 26 августа 1926 года. а в сентябре 1926 года пьеса переделывается заново, и в октябре он читает ее людям, мнению которых дорожит. "...Чувствую, что третья сцена не доработана и не хочу сдавать пьесу в таком виде", — пишет Бабель другу и продолжает отделять "Закат". Затем снова опробывает ее на слушателях: в марте в Киеве, в апреле в Одессе и Виннице, затем следует новая "подчистка", и только 22 июня 1927 года посылает рукопись В. Полонскому в "Новый мир".

С большей частью героев "Заката" мы уже встречались в "Одесских рассказах". Оттуда пришли два главных героя, два представителя известной фирмы "извозопромышленное заведение Мендель Крик и сыновья", представители двух миров — уходящего и пришедшего на смену.

Вот в двух словах содержание пьесы.

У старика Менделя в 62 года совсем некстати появились странности. Он влюбился в русскую девушку Марусичку и желает изменить свою жизнь. Сынкам его это пришлось не по вкусу и они не без помощи револьверной рукоятки сумели разъяснить распоясавшемуся папаше его настоящее место. Был день и пришел вечер. Завершается пьеса свадьбой перезрелой сестрицы Двойры.

"Все в порядке. Выпьем рюмку водки".

Пьеса сразу же попала на сцену. Уже в конце 1927 года ее увидели зрители Баку (Бакинский рабочий театр, БРТ, режиссер В. Федоров) и Одессы (Русский театр, режиссер А. Гринич, и Украинский, режиссер Е. Вильнер). А 28 февраля 1928 года состоялась премьера "Заката" во МХАТ-2. Ставили спектакль Б. Сушкевич, декорации М. Левина. Играли прекрасные актеры: Бирман, Корнакова, Берснев, Чебан, но спектакль успеха не имел и после шестнадцати представлений сошел с репертуара. Впрочем, не имели успеха и другие постановки. Некоторое время популярное имя — Бабель — привлекало зрителя, но странное дело, на сцене появлялись как бы знакомые герои, и в то же время какие-то другие. Исчезло "неугасимое молдаванское рыцарство", куда-то пропала прелестная Циля, дочь молочника Эйхбаума, не было револьверных выстрелов и налета на контору самого Полтора Жида, мосье Тартаковского, не было и знаменитого красного автомобиля с сигналом "смейся, папац".

Актеры и режиссеры не угадали, с какой стороны подойти к пьесе. Бирман-Двойра блестяще создала образ стилизованный, гротескно-иронический. Корнакова-Маруся трактовала свою героиню в чисто бытовом плане, а Чебан-Мендель "вместо жанра и гротеска — трагический надрыв... Вместо легкой тонировки от быта, от южной акцентировки — чистая пафосная речь, подчеркивающее отвлечение от быта, от места".

Иные рецензенты склонны были обвинить в неуспехе постановки театр. Таких, впрочем, немного. Большая же часть писавших отклики на премьеру обвиняли автора, не сумевшего написать пьесу, а просто предложившего театрам расширенный рассказ вместо пьесы; "шаблонный своей темой, элементарный по своим выводам".

Главу фирмы Менделя Крика мы могли и не заметить в "Одесских рассказах". Впрочем, наиболее дотошные замечали, что он слыл грубияном между биндюжниками (хотя чаще всего не знали, к кому относится эта характеристика) и закатывались в смехе, уверенные, что биндюжник — это что-то вроде одесского хулигана, босяка или урки.

В пьесе — это основное действующее лицо. Его фирма высоко котируется в городе. Его кони "миллион пшеницы отвезли, они полмира угля перетаскали". Этот человек крепко стоял ногами на земле. У него было много силы и "двадцать жеребцов и двадцать лошадок, скованных железом. И ноги, большие, как столбы, и руки, злые руки его". Злые руки, охочие до дела и умеющие показать себя в пьяной компании. Да что там, не только в кабаке. "Городовикам ремни обрезал, на главной почте швейцара бил. По четверти выпивал не закусывая, всю Одессу в руках держал... Телеграфные столбы крал и домой на плечах уносил..." Вот какой старик был.

Пьяные собутыльники разносят весть о подвигах Менделя по всей Одессе. Кто не знает старого Менделя-биндюжника! Кто скажет ему плохое слово? Человек заработал, человек может позволить себе отдохнуть.

Кто скажет, что это нехорошо, когда старый еврей нашел себе любовницу, молодую русскую девушку? Вслух никто не скажет, потому что это не просто старый еврей, а Мендель Крик... И только старая Нехама бубнит нескончаемо: "...Ему шестьдесят два года, бог, милый бог, и он горячий, как печка, он здоровый, как печка". А-а... "Спи, Нехама! Дай дышать", — скажет такой Мендель и отвернется. Он отвернется и снова будет делать из понедельника воскресенье.

Потому что ходил человек по свету, шестьдесят два года ходил и только сейчас начал задумываться. Узнал, "что в Америку свободно уехать может, что человек через моря летать может, через горы, через высокие горы летать может". И вспомнил Мендель, что "глаза у меня были сильнее телескопов, и чего я сделал с моими глазами? У меня ноги были быстрее паровозов, мои ноги по морю ходят, а чего я сделал с моими ногами?". И заскучал, и затомился, и обиделся на свою жизнь Мендель. "От обжорки к сортиру, от сортира к обжорке... Я полы мордой заметал, а теперь сады поставлю", — утверждал Мендель.

И люди стали ближе ему, они все — Человек, и он — человек. Ему обнять хочется людей своими крепкими руками, ему радостью своей поделиться хочется. И уж совсем неожиданным для завсегдатаев кабака становится поведение Менделя в ответ на то, что турок обсуждает меня: ведь убьет, сразу убьет и не посмотрит, что святой человек.

И турку, русского языка не знающему, рассказывает Мендель о жизни своей, а потом бережно целует его в губы.

А Марусичка его — это не просто любовница. Девочек он повидал на своем веку, а чем эта лучше? Ну, коса золотая, голос звонкий, сильный, веселый. Так ведь все равно глупенькая, как и все.

Лишь в одной, самой маленькой, пятой сцене мы встречаемся с Марусей и узнаем о ней всего ничего. Приходит со стариком, выпроваживает мать за покупками и щебечет птичка, щебечет о том, как на кладбище побывала. А в это время "Мендель смотрит на Марусю с обожанием. Он дрожит и мычит что-то в ответ, не понятно, но мычит".

Маруся про Ксеньку, подружку прыщавую рассказывает и про жениха ее Сергея Ивановича, а сама постель готовит, себя раздевает и с Менделя пиджак стаскивает.

"Ну, иди сюда, скажи — Марусичка...

— Марусичка.

— Скажи — Марусичка, солнышко мое...

Старик хрипит, дрожит, не то плачет, не то смеется.

(Ласково) — Ах, ты, рыло!"

Конец сцены.

Всего одно слово произносит Мендель, этот первейший грубиян среди биндюжников купленной им девушке, одно слово, и только мычит и смотрит с обожанием. Он придумал для себя, что девочка эта из другого мира. Из того мира, где люди летают, как птицы, и сажают сады. Марусенька рассказывает, как с Сергеем Ивановичем кокетничала, а в рыжей голове Менделя бегают, расталкивая друг друга, мысли о какой-то новой, только начинающейся жизни.

И заведение он свое продает ради этой жизни, ради того чтобы вырваться из гнусного несостоятельного мира. Но...

"Иисус Навин, остановивший солнце, был злой безумец. И вот Мендель Крик, прихожанин нашей синагоги, оказался не умнее Иисуса Навина. Всю жизнь он хотел жариться на солнцепеке, всю жизнь хотел он стоять на том месте, где его застал полдень. Но бог имеет городских на каждой улице. И Мендель Крик имел сынов в своем доме. Городовые приходят и делают порядок. День есть день, и вечер есть вечер".

Городовые не сумели сделать порядок.

Порядок сумели сделать дети Менделя, порядок сумел сделать Бенцион... сын Сиона, порядок сумел сделать Бенья Крик.

Когда мы читали "Одесские рассказы", мы имели полное право сказать, что Бабель любит своего Бенью. Он не жалел для него самых ярких красок, он писал о его великодушии и храбрости, о его стычках с полицией, о его остроумии, он даже рассказал, как Бенья с налетчиками разогнал черносотенцев.

Бандит? — Безусловно. Но личность необыкновенно яркая. К 1927 году писатель переосмысливает Бенью, яркость красок в рассказах сменяется в пьесе сумеречными тонами, зловещей тьмой. Гораздо больше слов уделяется уходящему Менделю и очень мало его сыну. Но последний незримо присутствует в каждой сцене.

Вовсе не нужен ему дружок Пятирубель, чтобы разносить славу о его подвигах. Он сам говорит мало и другим не советует увлекаться словами. Когда-то в рассказах Фроим Грач сказал: "Бенья говорит мало, но говорит смачно. Бенья говорит мало, но хочется, чтоб он еще сказал".

В пьесе Бенья говорит еще меньше, но и от этих слов несет холодным ужасом. Боярский, жених сестры Двойры, на трех страницах пьесы расскажет о себе больше, чем Бенья на протяжении всего действия. Каждому из героев, даже самому незначительному, автор предлагает массу разнообразных интонаций, наделяет различными красками их голоса: оглушительный, скрипящий, звонкий, грозный, медленный, гундосый, визгливый, жующий, отчаянный, жирный...

И только после имени Бенья в пьесе мы не находим указующей авторской ремарки. Лишь один раз Бенья "подходит к Никифору в упор и говорит ласковым, вздрагивающим голосом — Ты у меня умрешь сегодня, не поужинав, Никифор, мой дружок...".

Он говорит мало и научил себя не повышать голос, но каждое его слово отчетливо слышно. И если попадет человек, не выдавший Бенью в лицо и не знающий, что нужно молчать и внимательно слушать все, что скажет Бенья, то худо ему придется, с ума сойдет от страха такой человек.

Во второй сцене пьесы из слов Нехамы мы узнаем причину, по которой Бенья пошел в налеты. Оказывается, выродец отец не пускает детей в дело, вот и пошел сынок "такое солнце на небе, пошел в эту жизнь". Ах, и наивная эта мамаша! Или она в синагоге не бывает, или соседки к ней в дом не приходят.

Сын не слепой и знает, что на соседней улице живет Фроим Грач. И разве он не был в синагоге, где кантор запросто во время молитвы стреляет из револьвера по пробегающей мимо амвона крысе? Это же крыса, а не корова. А он, кантор Цвибак, "договорился молиться в синагоге, а не в кладовке с крысами".

Пока мать выспаривает у отца право для детей заняться делом, старший сын уже создал свое собственное дело.

В пятой сцене Бабель рассказывает о работе фирмы Менделя младшего...

"В синагоге. Все молятся. В наступившей тишине слышны отрывистые приглушенные слова:

БЕНЯ: Ну?

СЕНЬКА (за спиной Бени): Есть дело.

БЕНЯ: Мы не сделали дела.

СЕНЬКА: Оптовое дело.

БЕНЯ: Что можно взять?

СЕНЬКА: Сукно.

БЕНЯ: Много сукна?

СЕНЬКА: Много.

БЕНЯ: Какой городской?

СЕНЬКА: Городового не будет.

БЕНЯ: Ночной сторож?

СЕНЬКА: Ночной сторож в доле.

БЕНЯ: Соседи?

СЕНЬКА: Соседи согласны спать.

БЕНЯ: Что ты хочешь с этого дела?

СЕНЬКА: Половину.

БЕНЯ: Мы не сделали дела".

И тут раздается выстрел кантора, и начинается визг обиженных евреев, мешающий серьезной беседе.

"Пусть будет тихо!" — чуть громче говорит Сенька, и продолжает молиться еврейская толпа, и продолжается разговор двух серьезных деловых людей, Бени и Сеньки.

Не много мы узнаем подробностей о работе этой фирмы, но мы согласны с автором, который дал Бене такие слова: "Время идет. Дай времени дорогу".

И только наивный Пятирубель может сомневаться, что еще не настал вечер. Старый шамес Арье-Лейб уже заметил низко опустившиеся пылющие леса заката: "...зачем шуметь, что еще не вечер, когда ты видишь, что перед нами уже нет человека?".

Пусть папаша пьянствует, бьет кому-то морды и спит с русской девушкой. Такую малость Бени еще может позволить, разве что иногда обзовет отца нехорошим словом. Но ведь из рук уплывает добро, уплывает капитал, который безусловно необходим для нового дела. И здесь Бени делает то, чего не могут сделать городовые, он восстанавливает "справедливость". Пусть суббота будет субботой. Пусть мир будет таким, каков он есть. Папаша отрицает этот "сортирный и обжорный" мир, а сын стоит на

страже. Он родился в этом мире, ему в нем уютно, он не видит необходимости менять его. Никаких иллюзий, никакой религии, никаких норм.

— Не возьмете! — кричит старик.

— Ой, возьмем! — и на голову старика опускается рукоятка револьвера.

Недалновидный Мендель захотел вырваться из скорлупы своей жизни в какую-то другую, большую и интересную. Он не собирался ее создавать, а надеялся купить.

Бедняга, он ошибался. Такие вещи не покупают. Но даже если кто-нибудь и сумел бы ему продать желаемое, найдутся люди, чтобы запретить.

И кто бы мог предположить, что это сделает его сын, "разукрашенный, как испанец на деревенском празднике" (из ремарки к первой сцене).

В первых репликах первой сцены он еще ничем не напоминает Бени последних сцен. Немногословный молодой человек вывязывает галстук у зеркала. Наше любопытство к нему просыпается лишь тогда, когда Боярский, осененный внезапной мыслью, обещает Бене, что "в цене сойдемся". Он не возьмет денег, этот хитрый Боярский, хотя вовсе не привык сорить деньгами. И мы внимательнее приглядываемся к этому 26-летнему щеголеватому молодому человеку, который от сцены к сцене на наших глазах прибавляет силу и к концу пьесы становится почти дипломатом. Он уже умеет не только вести деловые разговоры, где достаточно одного слова или даже легкого прищуривания глаз. Он встречается с обществом в открытую, но как дипломат искусно вуалирует свою мысль, придавая ей внешне пристойный вид.

"Моя мысль: еврей не первой молодости, еврей, отходивший всю свою жизнь голый, и босой, и замазанный, как ссыльнопоселенец с острова Сахалина... И теперь, когда он, благодаря бога, вошел в свои пожилые годы, надо сделать конец этой бессрочной каторге, надо сделать, чтобы суббота была субботой..."

Он просит гостей поднять бокалы за старых супругов и находит в какой-то чужой кладовой прямо-таки поэтические выражения.

"Мы знаем, слишком хорошо знаем, что никто не выложил цементом эту дорогу, никто не поставил скамеек на длинном этом пути, и оттого, что великие кучи людей пробежали по этой дороге, она не стала легче, она стала тяжелее. Друзья, сидящие в *моём* (Подчеркнуто мной. — **В. П.**) доме! Я жду от вас, что вы не разбавите водой вино в ваших стаканах и вино в ваших сердцах..."

Что за интересное совпадение! Пьеса Бабеля появилась в один год с пьесой Брехта "Трехгрошовая опера", даже на несколько месяцев рань-

ше. Брехтовский герой Мекки-Нож триумфально прошелся по всем сценам мира, а его брат по духу, его талантливый коллега, созданный Бабелем, еще не нашел своего решения.*

Новые прочтения пьесы наверняка заставят говорить о героях, которых ранее не уделялось должного внимания.

О владельце конфекциона под фирмой "Шедевр", мосье Боярском, об этом хитром попрыгунчике, до отказа набитом разного рода любопытными историями и не скупящемся, щедро раздаривающим эти истории другим.

"Еврей, который уважает раков, может позволить себе с женским полом больше, чем себе надо позволять, он может сказать сальность за столом, и если у него бывают дети, так на сто процентов выродки и бильярдисты. Это я вам сказал замечание из жизни".

О мосье Боярском, удивительно предупредительным на слова в разговоре с Беней или Менделем и отвечающем невесте на ее просьбу хотя бы немножко любить ее: "А что с вами делать, если не любить вас? На котлеты вас рубать? Смешно, ей-богу!..".

О вежливом Боярском, знающем ответы на все вопросы, которые когда-либо задавала или задаст жизнь. О мосье Боярском, отлично умеющем ладить с другими мира сего. Вполне возможно, что безобидный мосье окажется фигурой ничуть не менее страшной, чем сам Бенья.

Или старый знакомый, сват и шамес Арье-Лейб, осмеливающийся возражать сыну Крику тогда, когда никто этого не смеет.

А бедняга Никифор, этот Буриданов осел, этот горемыка, попавший между двух огней и тщетно пытающийся найти какой-то ему понятный выход?

И уж конечно, умница и циник, раввин с Молдаванки, крохотный семидесятилетний Бен Зхарья. Существо, как бы состоящее из одной головы, визгливым голоском бросающей пошлые остроты. Существо, наблюдающее за миром, с интересом рассматривающее его вот уже семьдесят лет и не стесняющееся перейти на "ты" с богом. "По утрам бог переворачивает меня на спину, чтобы я не мог молиться. Богу надоели мои молитвы". Существо, как бы являющее собой сосуд мудрости всех евреев Молдаванки.

Бабель умеет писать о главном так, что не упускается ничего из второго плана. Каждому из героев, хоть на минуту появляющемуся на сцене, он дает точную выразительную характеристику.

В третьей сцене, в трактире на Привозной площади, мы встречаем офи-

*С конца 60-х годов пьеса "Закат" была поставлена во многих театрах СССР, а позднее — зарубежных стран. Одна из наиболее удачных работ — спектакль в Одесском русском театре. (Ред.)

цианта Митю, старичка с серебряными волосами ежиком. Бегаёт этот старичок, носит выпивку, считает выбитые стекла и поминутно обращается к хозяину: "Фомину взойти или рано?". Облапошить старого Крика собираются. Весь из себя тихонький вроде старичок — и вдруг, когда Мендель, эта громадина, эта скала, от скуки платить отказывается, старичок распался и показывает свои шакальи зубки: "Я мальчик злой, я покусую!".

Как-то Л. Андреев заметил, что герои Чехова никогда не начинают и не кончают свои речи, они всегда продолжают их. Героям Бабеля также присуще это свойство, каждый говорит, не особенно прислушиваясь к своему визави, заранее зная, что тот ответит. Но тем парадоксальнее реакция на неожиданную фразу или на нелогический, не оправданный предыдущим поведением героя поступок.

Так реагирует Мендель на появление ночью в своей спальне сына.

Бурно встречают выстрел кантора пришедшие отдохнуть в синагогу прихожане.

Замирают от неожиданности пьяницы, когда Мендель целует турка как брата в губы.

И только все знают, что старый сатир Бен-Зхарья никогда не повторяется. Каждое слово, слетающее у него с губ, — желанное и всегда неожиданное. Этот раввин уже добился права быть непохожим. Если кому придет в голову упрекнуть его за пошлость или богохульство, он с усмешкой напомнит о своих годах — пора понемногу сходить с ума. И тут же найдет шпильку поострей для блюстителя...

Да старый Арье-Лейб, выдавший виды, будет резать свою правду-матку, всхлипывая: "У тебя был хороший отец, Бенья...".

Бабель назвал свое драматургическое произведение — "Закат" — пьесой в 8 сценах.

Не трагедия, комедия или драма, а просто пьеса.

Произведение для театра.

Каждая часть получила название — сцена. Не картина или акт, или действие, а сцена, как бывало у Горького. Литературная жизнь пьесы довольно благополучная, а сценическая до настоящего времени не удалась.

Между тем драма Бабеля написана именно для театра. Даже для определенного театра. Писатель любил Московский Художественный и предполагал, что именно на этой сцене пьеса получит свое первое боевое крепление. Впервые встретится с театральным зрителем.

Его драма наполнена действием.

На поверхности как будто сонная, спокойная жизнь, подобная той, что

совершают микроскопические существа, образователи кораллов, а в глубине вулкан, извержение которого ожидается с минуты на минуту. Уже в первых сценах слышен глухой рокот небольших взрывов, но основной взрыв, извержение, случится лишь в шестой сцене, и небо zalьется кровью заката, и наступит молчание, и все ниже опустятся "пылающие леса заката".

Молчание. Вечер. Синяя тьма, но над тьмой небо еще багрово, раскалено, изрыто огненными ямами. В седьмой и восьмой сценах извержение прекратится, но время от времени ветер будет проносить по воздуху пепел и маленькие камни, которые никому ощутимого вреда не принесут.

Бабель блестяще владеет искусством драматургической реплики. В первой сцене Боярский, как паучок, вяжет и вяжет паутину слов, но следует стремительная, как укол шпаги, реплика Бени, и разодранная паутина уже несется в воздухе, никому не нужная.

Он пишет пьесу сценами, которые критики 1928 года упорно называют рассказами, а всю пьесу расширенным рассказом. Его драматическая сцена — это замкнутый в себе, законченный драматический процесс, и в то же время необходимая часть общего.

Много ли узнаем мы о главном герое пьесы из второй сцены? Нехамы и Мендель в спальне. Разве что муж "связался с кацапами", пьет водку и матерится. Но уже здесь раздаются первые удары грома. Писатель вводит в ночную спальню к старикам старшего сына. Сталкиваются два Крика.

Но катастрофа еще впереди...

Одесские парижане в Рамат-Гане

В Музее русского искусства им. Цетлиных в Рамат-Гане состоялась открытие выставки произведений одесских художников-модернистов из Общества независимых, как они себя тогда, в начале прошлого века, называли. Все представленные работы — числом около 100 — из собрания известного деятеля сионистского движения, издателя, ученого, мецената Якова Перемена. Картины эти хранятся сегодня в семьях большого клана его наследников. В последний (до нынешней выставки) раз уникальное собрание в полном объеме можно было увидеть разве что в тельавивской квартире Якова Абрамовича при его жизни, оборвавшейся в 1960 году: там оно было широко доступно. И вот работы одесских "независимых" из наследия Перемена вновь воссоединены на стенах двух выставочных залов музея!

Выставке предшествовал кропотливый труд людей, которых я назвала бы наследниками Я. П. по духу. Отметим, что прошла она под патронажем мэра города г-на Цви Бара. Что народу на открытие собралось много, и под сводами музея иврит звучал вперемежку с русским. Среди выступивших были старшая дочь основателя коллекции Хава Чернов-Перемен, жена его внука Ница Дрори-Перемен — редактор научного журнала "Альпаим", а также заместитель посла Украины в Израиле г-н Анатолий Маринец... И, конечно же, Леся Войскун, куратор музея, хрупкая молодая женщина, которая стала душой и мотором многотрудного, многоходового и деликатного этого предприятия.

Нет, Леся не одесситка. Она выпускница Петербургской академии художеств. В Израиле 11 лет. В Одессу попала два года назад на международную конференцию славистов, скажем для краткости, "по Харджиеву", и не будем вдаваться в подробности того научного форума. Несколько слов о Николае Ивановиче Харджиеве, однако, скажем. Он, с начала 30-х собиратель "старых бумажек" и "нелепой мазни", этот Корейко русского авангарда, на протяжении всей жизни ведущий нищенское существование, в 93-м (в возрасте за 90) тайно вывез в Амстердам свою коллекцию и враз стал миллионером. Купил трехэтажный особняк, улегся на диван лицом к стене и не вставал до самой смерти, прибравшей его в 96-м. И весь мир заговорил о Харджиеве, о нем пишут, его изучают... Но почти никто, даже в родной нашей Одессе, уже не помнил пророка своего отечества — Якова Абрамовича Перемена, собиравшего еврейских новаторов (да, позволю